

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Бетонное алиби

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Николай Леонов

Бетонное алиби

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Бетонное алиби / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2026 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-251612-2

На одном из крупных строительных объектов в Москве происходит обрушение опорных конструкций. Под развалинами находят погибшим главного инженера строительства Анатолия Корнеева. На первый взгляд, это несчастный случай. Однако полковники МВД Гуров и Крячко устанавливают, что смерть Корнеева наступила не в результате обрушения, а за несколько часов до аварии. А подстроенная катастрофы стала способом скрыть истинную причину его гибели. Сыщики пытаются выяснить, кому выгодна эта смерть. И вскоре сами становятся объектом покушения расчетливого злодея...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251612-2

© Леонов Н. И., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Николай Иванович Леонов,
Алексей Викторович Макеев
Бетонное алиби**

© Макеев А.В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Офисный комплекс «Сибирский квартал» в новом столичном районе Солнцево-парк замер в ночной тишине. За стеклопакетами панорамных окон простиралась неоновая паутина спящего мегаполиса, но здесь, на двадцать восьмом этаже, жизнь еще теплилась. Свет одной-единственной настольной лампы выхватывал из полумрака угловой кабинет с выцветшей табличкой «Главный инженер проекта».

Анатолий Иванович Корнеев, мужчина лет пятидесяти пяти с уставшим, испещренным морщинами лицом и сединой у висков, сидел за своим массивным дубовым столом, казавшимся островом порядка в хаосе развернутых чертежей и технической документации. Позади остался долгий, изматывающий день, наполненный предсдаточными проверками и нервными согласованиями. Федеральный технопарк «Енисей» – флагманский проект корпорации «СтальИнвестПроект» – был на финишной прямой. Сдача объекта намечалась через три недели, и каждый час был на счету. Почти физически ощущаемое давление сроков висело в воздухе, густом от запаха свежей краски, дорогой древесины и пыли от архивных папок.

Он провел ладонью по лицу, смазывая усталость, впившуюся в кожу будто песок. Последним пунктом в его ежевечернем ритуале была рутинная, почти механическая сверка финальных товарных накладных от генподрядчика, ООО «СтройГарант», с актами выполненных работ. Бумаги лежали идеальными стопками, как солдаты на параде. Все было подписано, заверено, одобрено. Казалось, ничто не предвещало бури.

Его взгляд упал на небольшой, серый, ничем не примечательный бетонный куб, служивший ему пресс-папье. Технологический образец, взятый им тайком с последней поставки для негласного контроля. Сувенир для самого себя, молчаливый свидетель масштаба сделанного. Или, как выяснилось в этот роковой вечер, – масштаба предательства.

Пальцы привычно скользили по колонкам цифр в накладной № 387-К/2024, сверяя их с данными в электронной базе. Марка бетона М500-В40-W12-F300 (морозостойкость F300, водонепроницаемость W12), партия 1147, вес – 8,5 кубометра, время отгрузки – 14:30. Все совпадало до последней запятой. Но его внутренний компас, откалиброванный тридцатью годами на стройках от Магадана до Калининграда, бешено вращался, указывая на ложный курс. Что-то било по нервам, тонкий, но неумолимый сигнал тревоги.

Он отложил распечатку и взял в руки бетонный куб. Включил мощную дизайнерскую лампу и поднес образец к свету. И вот оно. Он был слишком легким. Не критично, но для его руки, державшей тысячи таких образцов, разница была ощутима. А главное – структура. Пористость, видимая невооруженным глазом, мелкие, частые раковины, неровный излом. Это не соответствовало заявленной высокой марке прочности. Это был не М500. Это был его жалкий, хлипкий родственник, М200 в лучшем случае, годный разве что для садовых дорожек и временных построек, но никак не для несущих колонн федерального технопарка.

«Вот он, краеугольный камень всего проекта, – пронеслось в голове Корнеева холодной и тяжелой волной, смывающей все остальные мысли. – Буквально. Подменили. Не одну партию, не две. Они подменили весь объем, идущий на критичные узлы. Десятки тысяч кубов. Разница в цене – сотни миллионов... И я... я, Анатолий Корнеев, своей подписью это узаконил. Все акты приемки, все накладные – моя виза. Моя репутация, честь, вся моя жизнь, отданная стройке, – все это теперь залито этим суррогатом, этой пылящей мукой».

Он резко, почти с ненавистью отшвырнул куб от себя. Тот с глухим костяным стуком покатился по полированной поверхности стола, оставляя за собой мелкую белую пыль. Пыль обмана. Символ грядущего разрушения.

Адреналин, едкий и жгучий, ударил в виски, заставив кровь бежать быстрее, вытесняя усталость животным страхом. Мысли пронеслись вихрем. Нужно было действовать. Немед-

ленно. Еще не все потеряно. Возможно, это чья-то локальная махинация. Возможно, все не так плохо. Потому что, если... Если все так, как он думает сейчас, дело пахнет тюрьмой. Или чем-то похуже.

Корнеев схватил свой личный, нигде не зарегистрированный телефон, его пальцы дрожали, сбиваясь с номера. Он набрал тот самый, «золотой» номер, который полагалось использовать только в случае апокалипсиса.

Гудки. Один. Два. Три. Казалось, прошла вечность.

– Алло? – Голос абонента был ровным, спокойным, слегка сонным. Он явно отвлекался от чего-то другого.

Инженер выдохнул, с трудом контролируя дрожь в голосе:

– Это Корнеев. Простите за беспокойство, но... это чрезвычайно срочно.

– Анатолий Иванович, – в голосе послышалась легкая раздраженная нотка, – я на семейном ужине. В чем вопрос? Говорите быстро.

– Вопрос в бетоне! – почти крикнул Корнеев, понижая голос уже постфактум. – Тот самый, из последних партий для силового каркаса «Енисея». Он не соответствует! Я проверил контрольный образец. Это не М500! Это катастрофа, вы понимаете? При первой же глубокой проверке, при любой независимой экспертизе все всплывет! Все наши акты...

– Анатолий Иванович, успокойтесь. – Голос бесстрастно, почти механически прервал его. Насмешка была физически ощутимой. – Все документы, как вы сами знаете, в идеальном порядке. Вы лично их проверяли и подписывали. Никакой катастрофы нет. Вам, вероятно, показалось. Вы очень перегружены, проект на финише. Возьмите выходной.

– Мне не показалось! – Корнеев вскочил с кресла, сжимая телефон так, что треснул корпус. – Я требую немедленно остановить приемку и инициировать внутреннюю проверку! Я не могу допустить, чтобы технопарк, в который вложены миллиарды, превратился в братскую могилу! Я...

– Анатолий Иванович... – Голос в трубке внезапно потерял и тень учтивости, став плоским и металлическим. – Вы ничего не будете требовать и ничего не будете инициировать. Займитесь своей прямой работой. Обеспечьте сдачу объекта в срок. Остальное... – собеседник сделал театральную паузу, – не ваша забота.

Раздались короткие, отрывистые гудки. Тишина в кабинете сгустилась, стала давящей, зловещей, наполненной незримой угрозой.

Паника, черная и липкая, сжимала горло, подступая к глазам. Он чувствовал себя загнанным зверем в клетке собственного кабинета. Мысли метались, пытаясь найти выход там, где его не было. Бежать? Куда? Звонить в полицию? И что сказать? «Меня хотят убить, потому что я соучастник в хищении средств на строительстве технопарка "Енисей"?» Его самого же первого и посадят.

Но многолетняя, вымуштрованная привычка к порядку и системности взяла верх над эмоциями. Инженерная логика диктовала свой алгоритм. Если придут – а они придут, он в этом не сомневался, – они попытаются уничтожить все улики, которые могут их изобличить. Значит, его задача – спасти хотя бы часть доказательств. Сделать так, чтобы правда не умерла вместе с ним.

Он рванул к старому зеленому сейфу «Главснаба» образца 80-х, стоявшему в углу кабинета и считавшемуся анахронизмом. Быстро, на автомате, прокрутил код – дата рождения дочери. Дверь со скрипом открылась. Внутри, за пачками официальных бланков, лежали его черновые рабочие тетради, флешка с резервными копиями всех рабочих файлов за последний год и... тот самый, самый первый акт приемки № 001, где он карандашом, на полях, мелким почерком написал: «Прочность образца вызывает вопросы. Требуется повторная проверка в лаборатории». Но потом был звонок высокого начальства, намеки на «недоверие», «срыв сро-

ков» и «последствия». И он, сжав зубы, поставил свою размашистую подпись. Улика его собственной слабости, его морального падения.

«Флешка – первое дело. Ее они изымут и уничтожат, если найдут. Но автономные копии... копии есть в зашифрованном облаке, доступ к которому привязан к моему личному, никому не известному почтовому ящику. Пароль... нужно его сменить, усложнить. Надо прятать то, что не в Сети. Образец бетона. Черновики. Положить в коробку со старыми журналами и сувенирами – они не станут туда лезть. Надо замести следы. Чтобы потом кто-то нашел. Кто-то, кто не побоится копнуть».

Он наклонился и вытащил из-под стола картонную коробку из-под офисной бумаги, на дне которой лежали старый инженерный калькулятор, пара зачитанных технических справочников и подаренная дочерью дорогая перьевая ручка, которой он так и не решился пользоваться. Сверху, под смятыми листами старой газеты «Строительный вестник», он бросил несчастный бетонный куб и папку с самыми важными черновиками. Он действовал быстро, почти не глядя, на ощупь, всем существом прислушиваясь к тишине за тяжелой дубовой дверью.

Именно в этот момент, когда он пытался задвинуть коробку поглубже под стол ногой, он их услышал. Шаги. Не случайные, не блуждающие. Быстрые, уверенные, отмеряющие четкий, неумолимый ритм по пустому, заглушенному ковровым покрытием коридору. Не ночная уборка с грохочущей тележкой, не дежурный инженер с потухшим взглядом. Эти шаги знали, куда идут. Они не сбивались с пути, не замедлялись у других дверей. Они направлялись прямо к его кабинету. Прямо к нему.

Ледяная волна страха, настоящая, физиологическая, прокатилась по всему телу, сковывая мышцы. Сердце заколотилось где-то в основании горла, выстукивая сумасшедшую, аритмичную дробь. Ладони мгновенно стали влажными и холодными, как у покойника. Он инстинктивно отпрянул от коробки, отшвырнув ее окончательно в темноту под столом, и выпрямился, пытаясь сделать вид, что просто работает. Времени на баррикады, на отчаянное сопротивление не было. Совсем.

Уже здесь. Так быстро... Значит, приказ был отдан сразу после его звонка.

Он сделал последний рывок – не к двери, а к столу, пытаясь придать лицу хоть какое-то подобие спокойствия, прикрыть ладонью предательски вздымающуюся грудь. Он стоял, опершись о столешницу, пытаясь хоть как-то обрести опору в этом рушащемся мире, и смотрел на матовую хромированную дверную ручку. Она плавно, без единого звука, без предупреждающего щелчка повернулась.

Дверь бесшумно открылась. Он увидел ночного визитера. Но не увидел самого удара. Лишь короткое, стремительное движение тени, мелькнувшее в периферийном зрении. Острая, ослепляющая до тошноты боль в затылке поглотила все: и мысли, и страх, и саму темноту, наступившую вслед за ней. Он не услышал глухого стука своего тела о ковер.

Тишина.

Она была абсолютной, завершенной, как в саркофаге. Лишь слабая, затухающая вибрация от шагов удаляющегося убийцы, волочащего труп, на мгновение нарушила ее, чтобы затем снова воцариться в кабинете, где на столе под светом лампы лежали безупречно подписанные акты, а под столом, в пыльной картонной коробке, ждал своего часа кусок бетона и спрятанные документы.

Глава 1

– Входите, не стойте в дверях, как гости незванные.

Голос генерала Орлова, низкий, слегка хрипловатый от утреннего кофе и двух пачек «Беломора» в молодости, донесся из-за массивного дубового стола еще до того, как Гуров и Крячко полностью перешагнули порог кабинета. Помещение на седьмом этаже главного здания уголовного розыска пахло, как всегда, старой кожей, пылью архивных папок и скрытым напряжением. Полковник Лев Иванович Гуров отметил это привычным внутренним кивком – вот запах его профессиональной жизни. Он вошел первым, его высокий, слегка сутулый силуэт в практичном темно-сером костюме отбрасывал четкую тень на полированный паркет. За ним, на полшага сзади, двигался Станислав Крячко – компактный, плотный, с быстрыми, оценивающими глазами, которые уже сканировали комнату, ища подсказки в обстановке.

Генерал Петр Николаевич Орлов не поднял головы, изучая развернутый перед ним лист. Его седая, коротко стриженная голова была резко освещена настольной лампой с зеленым абажуром, реликтом семидесятых. Свет выхватывал жесткие складки у рта и глубокую вертикальную морщину между бровей – морщину постоянной ответственности. Гуров, стоя по стойке смирно, ловил знакомые ноты в его интонации: привычную педантичность, тщательное взвешивание каждого слова, но под ней – тонкую, едва уловимую струну тревоги. Не страха, нет. Орлов не боялся. Но тревоги человека, который видит минное поле и обязан отправить на него своих саперов. Это было «дело с подтекстом», «заказ сверху». И эта мысль, молнией проскочившая в сознании Гурова, вызвала у него сдержанное, почти незаметное раздражение – холодный комок где-то под ребрами. Еще одна битва, где правда будет не целью, а разменной монетой в чьей-то большой игре. Его пальцы, спрятанные в карманах брюк, непроизвольно сжались.

– Садитесь, – наконец поднял глаза Орлов, откинувшись в кресле. Его взгляд, серый и проницательный, как сканер, перешел с Гурова на Крячко и обратно. – Кофе будете?

– Мы уже, Петр Николаевич, – отозвался Крячко, с легкостью опускаясь в кожаное кресло. – У Верочки взяли. Она, как всегда, ангел во плоти.

– Ангел, – фыркнул Орлов без тени улыбки. – Ладно. Время – деньги, которых у нас, как обычно, нет. Дело. Москва, новый район Солнцево-парк, строящийся федеральный технопарк «Енисей». Корпорация «СтальИнвестПроект», генподрядчик – ООО «СтройГарант». Позавчера, в двадцать три ноль-ноль, произошло частичное обрушение конструкции на этапе финишной отделки. Панель перекрытия между третьим и четвертым этажом в блоке «А». Площадь примерно двести квадратов. Жертв, по первым сообщениям, нет.

Он сделал паузу, давая информации осесть.

Гуров молчал, его мозг уже работал, отсекая лишнее: строительная авария, резонансная, но не их профиль до тех пор, пока...

– Вчера утром, в процессе разбора завалов силами МЧС, – продолжил Орлов, и его голос стал чуть тише, чуть ровнее, что всегда было плохим знаком, – обнаружено тело. Мужчина. Предварительная идентификация – Анатолий Иванович Корнеев, пятьдесят пять лет, главный инженер проекта «Енисей» со стороны «СтальИнвестПроекта». Тело находилось в эпицентре обрушения, практически под плитой.

Крячко свистнул почти неслышно.

– И что, Петр Николаевич, он туда сам лег вздремнуть в неудачный момент? Или это новый метод контроля качества – проверять прочность головой?

– Станислав, – тихо сказал Гуров, не отводя взгляда от Орлова.

В его голосе прозвучало не столько одергивание, сколько констатация факта: сейчас не время для шуток.

Орлов кивнул, благодарный за эту смену тона.

– Местное управление Следкома оформило все как несчастный случай на производстве. Тело направлено в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Заключение пришло сегодня на рассвете. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, вызванной ударом тупым тяжелым предметом по затылочной области. Время смерти – за двенадцать-четырнадцать часов ДО обрушения конструкции.

Тишина в кабинете стала густой, физически ощутимой. Гуров почувствовал, как холодное раздражение под ребрами кристаллизовалось во что-то другое – острое, цепкое, знакомое щемящее чувство начала охоты. Это был не инцидент. Это был спектакль. И они только что получили билет в первый ряд.

– Значит, акт следкома о несчастном случае составлен ДО получения заключения судебно-медицинской экспертизы? – уточнил он, и его голос стал суше, острее.

– Составлен вчера вечером, сразу после завершения осмотра места происшествия. Экспертизу я запросил по своей линии, параллельно. Поэтому они и получили ее только на рассвете, – ответил Орлов, его пальцы постукивали по папке. – А теперь слушайте внимательно. Дело, со всеми вытекающими, включая этот вопиющий процессуальный прокол, передается к нам в главк. Расследовать будете вы. Ты и Станислав.

Он потянулся к папке и извлек два листа с гербовой печатью.

– Официальное поручение. Провести проверку по факту обнаружения тела с признаками насильственной смерти на территории строящегося объекта федерального значения. Согласовано на самом верху. Но, – он снова сделал ту многозначительную паузу, – есть нюанс. Со стороны корпорации и подрядчика уже поступили... запросы. Очень настойчивые. О необходимости минимизировать репутационные потери, не допустить паники среди инвесторов и, что важнее, не сорвать сроки сдачи объекта. Технопарк «Енисей» – проект с приставкой «национальный». За ним следят. Очень внимательно.

– То есть нам говорят: нашли убитого – хорошо, работайте, но аккуратно, чтобы никого не задеть, – перевел Крячко, и в его голосе зазвучала привычная циничная нота.

– Не говорят. Намекают. Очень прозрачно, – поправил Орлов.

Он посмотрел прямо на Гурова.

– Лев, я знаю твои принципы. Но здесь... давление будет колоссальным. Административный ресурс у них – на уровне министерств. Любое твоё движение, любой запрос попытаются затормозить, замучить согласованиями, потерять. Ты должен быть не просто точен. Ты должен быть безупречен. Каждый твой шаг – с опорой на железобетонные факты и пункты уголовного-процессуального кодекса. Понятно?

Гуров медленно кивнул. Внутренний монолог уже набирал обороты, но внешне он оставался спокоен, как поверхность глубокого озера. Безупречен. Железобетонные факты. Ирония в том, что, судя по всему, сам бетон там как раз и не железный. «Они хотят, чтобы мы работали по их алгоритму: шумиха – формальное расследование – вывод о несчастном случае с элементами халатности – наказание стрелочника. А я смотрю на эти цифры: смерть за полсутки до падения плиты. И вижу не алгоритм, а режиссуру. Тщательную, циничную, дорогую. Кто-то посчитал, что проще устроить маленький апокалипсис, чем убирать одного инженера тихо. Значит, инженер был не простой. Значит, то, что он знал, стоило дороже, чем ремонт двухсот квадратов перекрытия».

– Понятно, Петр Николаевич, – сказал он вслух, принимая папку. – Первичный рапорт от Следкома есть?

– Есть. Поверхностный, как лужа. Осмотр места происшествия провели вчера вечером, уже после извлечения тела и основной части завалов. Акцент на технической причине аварии. Фотофиксация скудная. – Орлов протянул еще одну тонкую папку. – Все, что у них есть. Ваш выход.

Служебный полностью затонированный микроавтобус «Форд Транзит» мягко катил по еще не до конца обжитым проспектам Солнцево-парка. За стеклами мелькали зеркальные фасады новостроек, стерильные газоны и пустые детские площадки – декорации к жизни, которую только предстояло заселить. Крячко, уткнувшись в планшет, бормотал что-то под нос, выуживая первые крохи информации об ООО «СтройГарант». Гуров молча смотрел в окно, но его мысли были уже там, на месте. Он чувствовал знакомое предвкушение, смешанное с горечью. Еще одна смерть, которую пытались спрятать за фасадом бюрократии и бетона.

Объект «Енисей» оказался громадным, футуристическим комплексом из стекла и стали, напоминавшим гигантский кристалл, вросший в землю. Но на его теле зияла черная, безобразная рана. Один из корпусов, ближе к тыльной стороне, был частично скрыт строительными лесами и брезентом, но даже с расстояния была видна зияющая дыра в этажах, как выбитый зуб. Вокруг суетились люди в касках и оранжевых жилетах – МЧС, строители, представители подрядчика. Работа кипела, но Гуров, едва выйдя из микроавтобуса, уловил странный диссонанс.

– Смотри, Стас, – тихо сказал он, надевая бейдж на шнурке с гербом МВД. – Работа идет. Но не по поиску следов преступления. Они расчищают. Убирают. Стирают картину.

Действительно, основное внимание спасателей и рабочих было направлено не на консервацию места возможного убийства, а на скорейший разбор и вывоз обломков. Кран осторожно поднимал крупные фрагменты бетонной плиты, погрузчики сновали туда-сюда. Охрана на КПП, завидев их, засуетилась, один из охранников что-то быстро говорил в рацию.

К ним направился мужчина лет сорока в белой каске с надписью «СК», в строгом темном пальто поверх костюма. Лицо уставшее, с отсутствующим выражением.

– Полковник Гуров? Полковник Крячко? – спросил он, слегка кивнув. – Старший следователь Солнцевского управления Следственного комитета Иванов. Вас ожидали. Прошу.

Он повел их по периметру, огороженному желтой лентой с привычной надписью «Место происшествия». Внутри здания царил полумрак и стоял едкий запах бетонной пыли, разогретого металла и чего-то еще, сладковатого и неприятного – запах недавней катастрофы. Свет пробивался сквозь дыру в перекрытиях, освещая хаос из арматуры, обломков, оборванных проводов и кусков гипсокартона. Гуров остановился, медленно поворачивая голову. Его взгляд, тренированный годами, выхватывал детали.

– Покажите, где нашли тело.

– Здесь. – Иванов указал на пространство прямо под краем зияющей дыры. На бетонном полу все еще виднелся меловой контур, искаженный, неестественно скрюченный. Рядом – несколько пронумерованных пластиковых маркеров. – Лежал лицом вниз. Частично придавлен мелким обломком. Но, как вы знаете из заключения...

– Да, знаем, – перебил Гуров, не отводя взгляда от контура.

Он присел на корточки, внимательно рассматривая пол. Бетон был покрыт слоем серой пыли и мелкой крошки, но в радиусе метра от контура он заметил странную аномалию: пол был чище. Как будто его подметали. Или что-то убрали.

– Осмотр проводили после извлечения тела и начала расчистки?

– Фактически – да, – признался Иванов, и в его голосе послышалось оправдание. – Приоритет был за МЧС – обеспечить безопасность, не допустить дальнейших обрушений. Мы работали в их графике.

Гуров молча кивнул, встал и подошел к краю обрушения. Он заглянул вниз, на нижний этаж, заваленный грудой бетона. Потом поднял глаза на торец обрушившейся плиты. Срез был неровным, арматура торчала, как разорванные сухожилия. Но его внимание привлекло не это. В нескольких метрах от края, на еще стоящей части перекрытия, он увидел два небольших, аккуратно уложенных стопкой блока из ячеистого бетона. Они явно не были частью конструкции. Они были подставкой. Опорой.

– Что это? – спросил он, указывая.

Иванов пожал плечами:

– Строительный мусор. Их тут везде полно.

– Мусор, который сложен в пирамидку? – вступил Крячко, подходя ближе. – Похоже на временную опору. Чтобы плита не просела сразу.

Гуров не ответил. Он отошел и дал себе время просто наблюдать. Слаженная работа МЧС была впечатляющей: люди четко знали свои задачи, техника работала как часы. Но вся эта эффективность была направлена на одну цель – ликвидировать последствия. Сделать так, чтобы от катастрофы осталась лишь память и отчет. Никто здесь не искал причину. Они уже ее знали: «технологическое нарушение», «ошибка в расчетах», «человеческий фактор». Удобная, гладкая версия, которая всех устроит. Под тоннами бетона и этой бумажной волокиты можно похоронить что угодно. Даже убийство. И в этом чудовищная ирония, думал Гуров, глядя на искореженную арматуру. Бетон. Символ надежности, прочности, фундаментальности. Основа современного мира. А здесь он стал идеальным инструментом маскировки. Гробом и маскировочной сеткой одновременно. Убили человека, а потом устроили ему самые дорогие похороны в мире – под обломками национального проекта. Чтобы даже смерть его служила чьей-то прибылью.

– Акт осмотра тела у вас при себе? – спросил он, обрывая свой внутренний монолог.

– Копия, – Иванов достал из портфеля заламинированный лист. – Оригинал в Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Гуров принял документ. Его глаза быстро пробежали по сухим, казенным строчкам. «... обширная гематома в затылочной области... линейный перелом затылочной кости с распространением на основание черепа... отсутствие характерных повреждений от сдавливания или воздействия обломков строительных конструкций... в раневом канале обнаружены микрочастицы, предварительно идентифицированные как полимерное покрытие, возможно, от рукоятки инструмента...» Это был язык фактов, неумолимый и точный. Он не оставлял места для версии о несчастном случае.

– Свидетели? Камеры?

– Объект на этапе стройки. Камеры только на периметре и складах. Внутренние не подключены. Свидетелей, видевших Корнеева в день исчезновения, опрашиваем. Пока ничего существенного. Последний раз его видели в его кабинете в административном корпусе примерно в восемнадцать ноль-ноль. Ушел, сказал, что задержится. Больше никто не видел.

– А кабинет его осматривали?

Иванов снова сделал то движение плечами, которое стало уже его визитной карточкой, – жест человека, который делает то, что может, а не то, что нужно.

– Оперативники из местного УВД провели поверхностный осмотр. Беспорядка не обнаружили. Взяли в работу компьютер, личные вещи. Ничего криминального.

Гуров и Крячко обменялись быстрыми взглядами. В этом одном слове – «поверхностный» – крылась вся суть. Дело уже было помечено как незначительное, второстепенное по сравнению с громкой аварией.

– Хорошо, – сказал Гуров, возвращая акт. – Мы ознакомились. Станислав, тебе есть что добавить?

Крячко, который все это время тихо переговаривался по телефону, оторвал трубку от уха.

– Да. По Корнееву. Инженер старой закалки, с безупречной репутацией. Не замечен в связях с темным прошлым, не игрок, не пьяница. Женат, взрослая дочь. Коллеги отзываются как о педанте и профессионале. Но вот что интересно: по неофициальным каналам проскакивает, что в последние недели он нервничал. С кем-то конфликтовал на объекте. Детали уточняю.

Гуров кивнул. Первая ниточка. Конфликт – всегда мотив. Особенно на такой стройке, где крутятся миллиарды.

– Благодарю, товарищ следователь, – обратился он к Иванову. – Мы закончили здесь. Прошу обеспечить нам доступ в кабинет Корнеева и ко всей проектной документации по объекту.

Обратно они ехали молча. Гуров сидел на пассажирском сиденье за водителем, его профиль был обращен к окну, но взгляд был устремлен внутрь. Затонированные стекла отсекали суету внешнего мира, превращая салон микроавтобуса в капсулу, плывущую в беззвучном вакууме. Шум двигателя был приглушенным, далеким. Это была его «зона замедления», момент, когда стремительный темп процедуры сменялся медитативной глубиной.

Он закрыл глаза, давая картинам с места обрушения всплыть в памяти снова, но уже в отстраненном, аналитическом ключе. Контур тела. Чистый участок пола. Аккуратно сложенные блоки. Линейный перелом затылочной кости. Это не был хаос аварии. Это была геометрия. Геометрия обмана. Кто-то вычислил, спланировал, измерил. Убил инженера на стройплощадке (или убил прямо там, в кабинете, что вероятнее, а потом – привез на стройку). Дождался ночи. Подложил под плиту те самые блоки, создав точку критического напряжения. И устроил контролируемое обрушение именно там, где лежал труп. Все для того, чтобы смерть от удара тупым предметом выглядела как следствие падения многотонного бетона. Просто, гениально и чудовищно цинично.

Он открыл глаза. Микроавтобус уже въезжал в городскую суетолюку.

– Ну что, Лев, – нарушил тишину Крячко, откладывая планшет. – Чувствуешь скелет в шкафу? А точнее, в бетономешалке.

– Чувствую, Стас, – ответил Гуров, поворачиваясь к нему. Его лицо оставалось непроницаемым, но в уголках глаз дрогнули лучики мелких морщин – знак внутренней работы. – И скелет этот в дорогом костюме. Давай распределимся. Я займусь официальной частью: запрошу все акты приемки работ по этому узлу, техническое заключение о причинах обрушения от независимой экспертизы (не от той, что нанял подрядчик), детальный акт СМЭ. И найду того инженера-эксперта, который готов будет под микроскопом разобрать, почему плита упала именно так, а не иначе.

– А я, – подхватил Крячко, потирая руки, – отправляюсь в народ. Поговорю с коллегами Корнеева, со строителями, с мелкими подрядчиками. Узнаю, с кем он конфликтовал, кому мог перейти дорогу. И покопаюсь в финансовых потоках «СтройГаранта». Если там замешаны большие деньги – а они замешаны, иначе зачем такая театральность, – то след должен вести к тем, кому выгодна подмена материалов или распил бюджета.

– Именно, – кивнул Гуров. – Ты – полевая разведка. Я – артиллерийская подготовка документами. Орлов прав: каждое наше движение должно быть прикрыто бумагой с печатью. Иначе нас быстро поставят на место.

Крячко усмехнулся, его широкое лицо озарилось знакомой, чуть хищной улыбкой.

– Понимаешь, в чем прелесть этой бетонной гробницы? Все думают, что правду замуровали навеки. А на самом деле они ее только законсервировали. Как в пирамидах. Осталось вскрыть саркофаг. Правда, вместо мумии там будет какой-нибудь чиновник в дорогих часах.

– Не торопись с саркофагами, – сказал Гуров, но в его голосе звучала не суровость, а скорее, предостережение товарища. – Сначала нужно найти гробокопателей. А они, судя по размаху, очень высоко сидят и любят, когда все красиво и тихо.

Кабинет Гурова был аскетичен: стол, компьютер, два телефона (служебный и «особый»), стеллаж с кодексами, справочниками и папками текущих дел. Ничего лишнего. Он сидел за столом, перед ним лежала стопка распечаток – первые ответы на запросы. Предварительное техническое заключение от Центра независимой строительной экспертизы уже было у него. Коротко, без эмоций: «...обрушение спровоцировано созданием локальной точки критической

нагрузки в виде несанкционированной временной опоры... характер разрушения указывает на предварительное ослабление конструкции в данном узле, возможно, вследствие использования материалов, не соответствующих проектной марке прочности...»

Он отложил лист. Улики складывались в мозаику, еще неполную, но уже с четким контуром. Убийство. Инсценировка аварии. Возможная подмена материалов. Финансовые махинации. И везде – след большого, уверенного в себе аппарата.

Дверь открылась без стука. Вошла секретарша Орлова, Верочка, хрупкая женщина лет пятидесяти с умными, добрыми глазами. В руках она держала коричневый картонный конверт.

– Лев Иванович, вам. Из Бюро СМЭ. С нарочным.

– Спасибо, Вера.

Конверт был плотный, на нем гриф «Для служебного пользования». Гуров вскрыл его ножом для бумаг. Внутри лежал официальный, итоговый акт судебно-медицинской экспертизы. Он развернул его и начал читать, пропуская формальности, выхватывая суть.

«...На основании макро- и микроскопического исследования, а также данных судебно-химического и биологического анализов УСТАНОВЛЕНО: смерть гр-на Корнеева А. И. наступила в результате черепно-мозговой травмы, причиненной ударом тупого твердого предмета с ограниченной травмирующей поверхностью (предположительно, инструмент типа «молоток» или «монтировка» с полимерной рукоятью) в затылочную область. Травма несовместима с повреждениями, которые могли бы быть получены в результате обрушения строительных конструкций (отсутствие множественных переломов, признаков сдавливания, характерных загрязнений бетонной пылью в глубине раневого канала). Время смерти определено в интервале между 18:30 и 21:30... В тканях в области травмы обнаружены микрочастицы: полипропилен (синий пигмент), частицы краски темно-синего цвета, а также волокна шерстяной ткани синего оттенка, не принадлежащие одежде потерпевшего...»

Гуров откинулся на спинку кресла. Тихое эхо шагов Корнеева по его кабинету, описанное в оперативной сводке, отдалось в его сознании точным, неумолимым совпадением. Восемнадцать ноль-ноль – его видели последний раз. Восемнадцать тридцать – начало интервала смерти. Он не ушел со стройки. Его убили там. Или почти сразу после ухода. А потом, ночью, когда объект опустел, привезли обратно и устроили этот «несчастный случай».

Но его взгляд зацепился за последний пункт. Микрочастицы. Полипропилен, краска, шерсть. Синий цвет. Это уже не просто констатация убийства. Это первый портрет убийцы. Или его инструмента. Человек, возможно, в синей рабочей одежде или куртке, с синим молотком. Или человек, который тщательно подготовился, но не учел, что современная экспертиза может найти следы даже в ране на затылке.

День подходил к концу, но расследование только начиналось. Гуров положил акт на стол рядом с техническим заключением. Два документа, два неопровержимых факта из разных областей науки, сливались в один вывод. Это не было убийство В РЕЗУЛЬТАТЕ обрушения. Это было обрушение В РЕЗУЛЬТАТЕ убийства. Маскировка. Режиссура. И та пугающая, идеальная точность – смерть за полсуток до падения плиты, – которая указывала на высоко сидящего, педантичного, уверенного в своей безнаказанности противника. Такого, который считает, что может управлять не только людьми, но и законами физики. И ради этой иллюзии контроля готов обрушить тонны бетона.

Он взял ручку и на чистом листе блокнота вывел: «Корнеев. Убийство. 18:30–21:30. Синие микрочастицы. Подмена бетона? Следствие: 1. Запросить видео с периметра за 12.10, 18:00–06:00. 2. Опросить охрану. 3. Найти источник синего полипропилена на объекте».

За окном сгущались сумерки, зажигались первые огни Москвы. Гуров погасил настольную лампу и сидел в темноте, глядя на светящийся экран компьютера, где был открыт файл с фотографией Анатолия Корнеева – усталое, интеллигентное лицо человека, который верил в прочность материалов и, как выяснилось, жестоко ошибся. В тишине кабинета звучал лишь

едва уловимый гул системного блока. Следующий шаг был ясен. Нужно было найти нить, которая вела от этих синих микрочастиц к руке, которая держала молоток. А от нее – к тому, кто отдал приказ.

Глава 2

Утро началось не со звонка, а с прямого вторжения. Гуров только-только успел разложить на столе свежие распечатки банковских выписок, которые Крячко добыл через свои каналы, когда дверь его кабинета распахнулась без стука. На пороге стоял высокий мужчина в безупречном темно-синем костюме.

Игорь Беляев, генеральный подрядчик «СтройГаранта», переступил порог как хозяин. За ним, словно тень, следовал щуплый мужчина в очках с дипломатом – явно юрист. Беляев окинул кабинет быстрым, оценивающим взглядом, как будто прикидывал стоимость ремонта, и его губы сложились в холодную, деловую улыбку.

– Полковник Гуров. Не ожидали? – Его голос звучал бодро, почти дружелюбно, но в глазах не было ни капли тепла.

Гуров медленно откинулся на спинку кресла, не предлагая сесть. Он снял очки, аккуратно положил их на стол поверх выписок и скрестил руки на груди.

– В ГУУР, или Главное управление уголовного розыска, господин Беляев, обычно входят по пропуску и предварительной записи. Или по сопроводительным в наручниках. Вы по какому поводу?

Беляев проигнорировал колкость. Он сделал два шага вперед и уперся ладонями в край стола, наклоняясь к Гурову. От него пахло дорогим одеколоном и уверенностью.

– По поводу нанесения ущерба государству, полковник. Ваш вчерашний запрос и эта... переквалификация дела парализовали работы на объекте «Енисей». Каждый час простоя – это сотни тысяч рублей прямых убытков. А косвенных – миллионы. Я приехал, чтобы лично объяснить вам простую вещь: пора заканчивать этот фарс.

– Фарс, господин Беляев, – тихо произнес Гуров, – это когда человека убивают ударом по голове, а потом пытаются выдать это за несчастный случай, обрушив на него здание. Это постановка. А мы как раз занимаемся ее разбором. И ваши убытки нас интересуют ровно в той степени, в которой они могут быть мотивом для этого убийства.

Беляев выпрямился, его лицо на мгновение исказила гримаса раздражения, но он тотчас взял себя в руки.

– Вы оперируете предварительными данными, полковник. Экспертизы можно оспорить. А убытки – они реальные. И за них кто-то должен будет ответить. Или вы хотите взять на себя ответственность за срыв сроков сдачи федерального объекта? За простой тысяч рабочих? За ущерб экономике страны?

Юрист тихо кашлянул и открыл дипломат.

– Мы, конечно, понимаем важность следственных действий, – заговорил он скрипучим, заученным голосом. – Но они должны быть соразмерны. В данном случае тяжелые последствия для государственных интересов явно перевешивают гипотетическую пользу от продолжения расследования по надуманному основанию. У нас есть заключение независимых экспертов о причинах обрушения...

– У меня есть заключение государственного судебно-медицинского эксперта Подольского, – холодно перебил его Гуров. – Оно имеет приоритет. И оно однозначно: убийство. А когда есть труп с проломленным черепом, никакие «государственные интересы» не могут быть основанием для прекращения дела. Это не гипотетическая польза, а прямая обязанность органа следствия. Или вы предлагаете мне нарушить УПК? Уголовно-процессуальный кодекс, – пояснил он.

В кабинете повисло напряженное молчание. Беляев и его юрист переглянулись. Видимо, они рассчитывали на более сговорчивого собеседника. На того, кто испугается слов «государственные интересы» и «ответственность».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.